

Опубликовано в журнале:

«Неприкосновенный запас» 2002, №5(25)

ТЕМА 2: ПРОСВЕЩЕНИЕ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ

Андрей Родин

Мультикультурализм и новое Просвещение

Однажды у меня состоялся забавный разговор со знакомым американским профессором. Дело происходило в Рейкьявике, где мы оба тогда работали в университете. Петер рассказывал мне о своей жизни в Китае, о том, какая это замечательная страна и как ему хочется туда вернуться. Я сам никогда не был в Китае, хотя у меня есть китайский друг, ныне тоже американский профессор, а в прошлом известный китайский диссидент, которому в свое время пришлось посидеть на родине в тюрьме за свои убеждения, а потом — преподавать в американском университете марксизм в качестве дополнительной нагрузки к своим основным курсам. Несколько моих российских знакомых тоже ездили в Китай и возвращались в основном с такими же восторженными впечатлениями, как и Петер. Исключением был мой отец, которого огорчило качество китайских туалетов. Поэтому я спросил Петера о том, как, по его опыту, в Китае обстоит дело с туалетами.

Если говорить честно, то это с моей стороны была, конечно, провокация. Я не хотел уличить Петера в том, что он приукрашивает действительность, умалчивая о каких-то неприглядных сторонах китайской жизни. Дело, скорее, в том, что я чувствовал в рассказе Петера, как и в рассказах о Китае других моих знакомых, какую-то предвзятость, какую-то не вполне ясную для меня схему, какой-то культурный предрассудок, который я хотел обнаружить. Своим вопросом про туалет я надеялся вывести разговор за рамки заданной схемы в область простого здравого смысла. Я считал туалет общечеловеческой универсалией, которая может помочь мне это сделать.

Моя провокация удалась, и я услышал ответ, подтверждающий мои подозрения:

— Конечно, туалеты там оставляют желать лучшего. Но ты должен понять, что *китайская культура особенная*, и отказаться от идеи применять западные стандарты к китайской жизни.

В ответ на это я предъявил Петеру заранее заготовленный аргумент:

— Разве чистый туалет не лучше грязного? Разве это не верно просто, безотносительно к вопросу о культурных различиях?

Петер сразу согласился, но симптом уже был налицо. Я не считаю, что вопрос о туалете является принципиальным, хотя и не вполне к нему равнодушен.

В данном случае этот вопрос мне интересен только в качестве примера того, как идеи культурной относительности и мультикультурализма (или *многокультурия*) могут приводить к очевидному абсурду.

Что имел в виду Петер, говоря, что китайская культура *особенная*? Что он называл *культурой* в этом разговоре? В такого рода произвольном контексте слово *культура* может означать любую форму человеческой жизни: что люди делают, во что одеваются, что едят, как и о чем говорят и думают, во что верят.

Единственное ограничение состоит в том, что речь должна идти об относительно устойчивых коллективных привычках, а не об индивидуальных особенностях и отдельных поступках. При этом у каждой культуры есть свои герои, чьи слова и дела тиражируются, становятся предметами подражания и таким образом — элементами культуры.

При таком расширительном понимании слова культура слова Петера о том, что китайская культура особенная, означают только то, что в Китае люди живут как-то иначе, чем, например, в США, России или Исландии. Тезис о том, что существует *много культур*, означает, в таком случае, две вещи. Во-первых, что люди, вообще говоря, живут по-разному, и, во-вторых, что многие люди живут похоже. Если бы все люди жили одинаково, то не было бы *множества* культур, если бы все люди жили по-разному, если бы у людей не было таких *общих* вещей, как языки, тексты, обычаи, религии, обряды, кулинарные рецепты и прочее, то нельзя было бы говорить ни о каких культурах вообще.

Мне совсем не кажется очевидным, что все эти многочисленные сходства и различия в образе жизни и мышления людей достаточны для того, чтобы сколько-нибудь строгим образом различить такие всеобъемлющие формы жизни, которые называют культурами. Но этот вопрос относится скорее к теории, чем к практике многокультурия. Практически за идеей многокультурия стоит мысль о том, что все культуры — как бы ни определять их границы — в некотором смысле равноправны, что все имеют одинаковое право на существование. Нужно заботиться о сохранении культур и не допускать того, чтобы одни культуры вытесняли другие. Я хочу задать простой вопрос: зачем?

Если культура — это форма жизни в самом широком смысле, то тезис о необходимости сохранения существующих культур означает следующее: нужно, чтобы все жили так, как живут теперь, чтобы все существующие формы жизни людей существенно не менялись, а только воспроизводились и “естественно развивались” в заданных рамках. Единственное ограничение состоит в том, что формы жизни, заслуживающие уважения и подлежащие защите и сохранению, должны быть достаточно массовыми и достаточно устойчивыми (хотя точных критериев массовости и устойчивости, похоже, никто никогда и не пытался установить), — в противном случае их нельзя считать культурами, а нужно рассматривать как частные привычки и предпочтения.

Ситуация обычно усложняется аргументом о том, что при существующем порядке вещей некоторые культуры уже находятся в ущемленном положении и, следовательно, в извращенном состоянии. Поэтому возникает требование возврата к некоторой прошлой благополучной ситуации. Но это не меняет консервативного смысла идеи многокультурия, которая в этом отношении очень похожа на идею *сохранения* и *защиты* естественной среды.

Так кто же, собственно, заинтересован в сохранении существующего культурного многообразия? Всегда ли носители культуры заинтересованы в том, чтобы эта культура продолжала существовать, воспроизводилась и развивалась в будущем?

Действительно, существует определенная инерция в поведении и мышлении людей: люди стремятся продолжать жить так, как они привыкли. Такая инерция особенно сильна, когда речь идет о привычках, которые являются массовыми и существуют на протяжении многих поколений, — их называют культурными

традициями. Однако было бы абсурдно думать, что все люди довольны своей жизнью и не хотели бы жить иначе, что образ жизни каждого человека — это всегда его (или ее) выбор. Правда, сила привычки действует в любом случае. Я помню рассказ мамы одного моего приятеля, которая, когда освободилась из лагеря, не знала, куда пойти, и вечером стала упрашивать охранника, чтобы он пустил ее обратно переночевать. Заключенные привыкают жить в тюрьме, голодные привыкают голодать, а нищие — жить в нищете. Привыкнув есть досыта, голодные изменят свои привычки и станут людьми *сытой* культуры, хотя для этого может потребоваться несколько поколений. Отличие сытой культуры от культуры голодных не сводится к вопросу о еде: согласно пословице, *сытый голодного не разумеет*, у сытых и голодных разный *менталитет*, говоря популярным сегодня языком. Но разве из этого следует, что нужно заботиться о сохранении бедности ради сохранения специфической *культуры* бедности? Разве правда, что носители такой культуры всерьез заинтересованы в ее выживании? Если кто-то и заинтересован в сохранении этой культуры и бедности как таковой, то вряд ли это сами ее носители. Риторика многокультурия оказывается очень удобным инструментом в руках тех, кто пытается закамouflировать социальные проблемы современного мира и избежать каких-либо решений: это могут быть и представители богатых элит бедных стран, успокаивающих своих нищих сограждан тем, что их бедственное положение служит делу сохранения местных традиций, и рядовые граждане богатых стран, успокаивающих с помощью такого же рода аргументов свою собственную совесть.

На самом деле жизнь, формы жизни большинства людей в мире сейчас очень быстро меняются. Россия в этом смысле — характерный пример, но не исключение. Эти изменения нравятся далеко не всем и только в части случаев являются сознательным и свободным выбором. Вообще трудно говорить о свободном выборе, когда он вменяется многим людям сразу, целым сообществам. Хотя такой коллективный выбор может зависеть от индивидуальных выборов всех или по крайней мере некоторых членов сообщества, как это происходит при демократических процедурах, в любом случае коллективный выбор не похож на индивидуальный. Разумеется, консервативный тезис о сохранении культурного многообразия может использоваться для того, чтобы блокировать не только желательные, но и нежелательные изменения. Именно последнее обстоятельство придает этому тезису видимую моральную основательность. Этому также способствует инерция привычки и традиции, о которой мы уже говорили выше: при отсутствии ясно сформулированных целей любое изменение представляется нежелательным — если только ситуация не столь невыносима, чтобы, наоборот, любое изменение становилось желательным. Консервативная охранительная стратегия, направленная на то, чтобы как минимум оставить все как есть и как максимум вернуть утраченное, на деле достигает гораздо меньшего: в лучшем случае она оказывается способной только растянуть происходящие изменения во времени и смягчить их последствия. Такая стратегия является заведомо слабой, поскольку с ее помощью невозможно влиять на направление этих изменений. Теоретический тезис о невозможности глобального дискурса, общего языка, на котором представители различных культур могли бы заявлять друг другу о своих интересах и согласовывать цели сообществ, которые они представляют, делает стратегию сохранения культурного многообразия не просто слабой, а расслабляющей.

Многокультурие направлено на преодоление культурных предрассудков: многокультурный человек не будет распространять ценности, нормы и образцы

своей родной культуры за ее пределы, а будет осваивать другие культуры с их специфическими нормами, ценностями и образцами. Иными словами, такой человек относится к чужим предрассудкам точно так же, как и к своим собственным, или, точнее, последовательно осваивает чужие предрассудки, делает их своими. На мой взгляд, такая игра с предрассудками имеет смысл, только если она в конце концов позволяет посмотреть на вещи трезво, то есть без предрассудков. Освоение множества различных схем мысли и поведения помогает выйти за пределы любой из них и вырабатывать новые схемы — в том числе такие, которые позволяли бы понимать друг друга представителям различных культур. Однако одного знакомства с различными культурами и даже опыта жизни в разных культурных средах для этого явно недостаточно.

Исторически европейскому Просвещению, выдвинувшему идею универсального человеческого разума, предшествовала эпоха великих географических открытий, когда европейцы открыли для себя то, что сегодня называют культурным разнообразием, включающим в себя разнообразие моральных и социальных норм и ценностей. Предполагалось, что универсальный разум не зависит от местных культурных особенностей и является общим для всех людей независимо от их происхождения и воспитания. Впоследствии Просвещение было раскритиковано как “европоцентристский” проект: критики утверждали, будто европейские мыслители выдавали за универсальные свои специфические европейские формы мышления, что создало почву для последующего насильственного распространения этих форм за пределами Европы в ходе колонизации. По-видимому, в такой критике было много правды. Одна из проблем, которой мыслители Просвещения совсем не касались и которая, как я думаю, является одной из важнейших для современной философии и политической теории (и просто очень интересной с формальной точки зрения), — это проблема коллективного мышления и коллективного действия. Когда мыслители Просвещения говорили о разуме, они имели в виду разум отдельного человека (и любого мыслящего существа), который, как они предполагали, универсален в том смысле, что у *всех мыслящих существ* этот разум один и тот же. Таким образом, эти мыслители думали о двух предметах: об отдельном человеке (обычно о себе) и о всех людях вообще. Так устроена обычная логика: слово *человек* может означать или конкретного человека (меня, например), или какого угодно человека, человека *вообще*. С помощью такой логики неудобно (если вообще возможно) думать о *человечестве* как конкретном сообществе и тем более учитывать, что человечество состоит не просто из отдельных индивидов, но и из обособленных групп индивидов, которые взаимодействуют друг с другом, как и отдельные люди. Универсальный разум, о котором говорили мыслители Просвещения, справляется с проблемой *индивидуальных* различий, но не справляется с проблемой различий *коллективных*, в частности с проблемой культурных различий.

Идея универсального разума не была наивной или тем более злонамеренной попыткой европейцев навязать остальному миру свой способ мышления и свои нормы поведения. Просто нужно признать, что универсальный разум не подходит для решения многих важных проблем, в том числе практических. Универсальный разум хорошо работает в точных науках (в которых успешно сотрудничают ученые с самым разным культурным “багажом”), но плохо в политике, особенно в глобальной политике. Нужны новые усилия, новое Просвещение, чтобы выработать такие формы глобального дискурса, которые позволяли бы решать современные задачи. В каком-то смысле задача построить такой глобальный дискурс более скромная, чем та задача, которую решали и во многом успешно решили просветители. Универсальный разум — это разум

любого возможного мыслящего существа, будь то человек или инопланетянин. Говоря о глобальном дискурсе, мы можем не принимать в расчет инопланетян и жителей других возможных миров, а ограничиться конкретным человеческим сообществом, конкретным человечеством. Зато нам нужно принять во внимание такие подробности, которые для универсального разума несущественны, — те самые, которые называют культурными особенностями. Впрочем, отказаться от использования абстрактных схем, от абстрактного рассмотрения возможных культур при решении этой задачи значило бы неоправданно ограничить себя в средствах. Абстракция является мощнейшим средством, неприятности с абстракцией связаны всегда с тем, что это средство неверно используется в той или иной конкретной ситуации.

Было бы несправедливо считать, что усилия такого рода не предпринимаются. Далеко не все современные мыслители связывают себя догмой культурной относительности. Аргумент о культурной относительности мышления — это убежище для мыслителя, который не хочет брать на себя серьезной ответственности за свою мысль. Во многих случаях это ловушка, в которую мыслителя заманивают оппоненты, чтобы таким образом избежать нежелательной конкуренции. Культура, во всяком случае мыслительная культура, только тогда чего-то стоит, если она способна действовать *вовне*, если она способна к экспансии. Оборонительная культурная стратегия является заведомо проигрышной. В одном туристическом агентстве в Нью-Йорке я увидел рекламный слоган, который звучал примерно так: попробуй другую культуру, пока они еще не переняли нашу (речь шла о путешествии в Париж). По-моему, ирония этой рекламы адекватно отвечает на европейские страхи перед американской культурной экспансией. Тем, кто озабочен благосостоянием русской, французской или какой угодно другой культуры и формирует политику в этой области, нужно предпринимать усилия для распространения этих культур, а не для их защиты. Именно распространение, а не оборона культуры отвечает идее Просвещения.

Я не хочу сказать, что какой-то особенный способ мышления или тем более образ жизни должен агрессивно навязываться всему миру. Я хочу только сказать, что мысли, как и деньги, не предполагают каких-то определенных границ, в рамках которых они могут действовать. Сила мыслей, как и сила денег, измеряется именно тем, насколько они способны преодолевать культурные и другие барьеры. Мысли, навязанные агрессивно с помощью физической силы, экономических рычагов или пропаганды, — это слабые мысли, у которых не хватает собственной силы убеждения. На самом деле, навязанные мысли — это скорее недомыслия, хорошие мысли при таком грубом обращении портятся, их просто невозможно кому-либо навязать. Хорошие мысли заразны и не нуждаются в особых усилиях по их распространению. Важно, скорее, не мешать мыслям свободно распространяться. Российская история дает многочисленные примеры попыток *предотвратить* распространение мыслей — но из этого все равно ничего не получается.

Что касается образа жизни, то важно понять, что решающим и совершенно реальным фактором является сейчас то, как живет человечество в целом: именно коммунальная жизнь всего человечества задает те рамки, которые ограничивают возможные вариации индивидуальных и коллективных стилей жизни. Альтернатива тому, чтобы какие-то отдельные сообщества (в том числе и государства) *навязывали* другим свои правила игры, состоит только в том, чтобы предложить такие *общие* правила игры, которые никому не пришлось бы навязывать. Жить по своим собственным правилам, не мешая другим жить по

другим правилам, можно только тогда, когда уже существуют правила, общие для всех.

Выше я сравнил мысли и деньги. И мысли, и деньги распространяются в наше время по всему миру почти без ограничений. Однако кажется, что глобальная циркуляция денег гораздо лучше организована. Финансовые и промышленные корпорации уже давно действуют по всему миру поверх государственных границ, тогда как только немногие исследовательские организации являются международными в полном смысле слова. Часто такие организации, как, например, Институт международного образования, являются скорее политическими, чем собственно научными. Они делают хорошее дело, способствуя международным научным связям, однако сами не проводят серьезных исследований. Конечно, существуют международные группы ученых, работающие над отдельными проектами, существует международное сотрудничество ученых, однако по большей части наука, по крайней мере гуманитарная наука, делается в университетах и исследовательских институтах, каждый из которых имеет государственную принадлежность, хотя и не обязательно является государственным. Ученые и интеллектуалы из разных стран и “культур” встречаются на конференциях и семинарах, однако они остаются в большой степени зависимыми от национальных институтов и фондов, а иногда, как в России, и непосредственно от властей. Я думаю, что нужно предпринять усилия по созданию международных исследовательских и образовательных центров, независимых от каких-либо политических организаций. Такая форма отвечала бы той содержательной совместной работе, которая уже ведется, и не позволяла бы национальным политикам присваивать результаты этой работы и использовать их только в частных интересах своих государств. В рамках таких институтов можно было бы не только изучать, сравнивать и сопоставлять различные культуры наподобие музейных экспонатов, но и систематически сталкивать эти культуры вживую в открытом диалоге при решении важных для всех проблем. Когда я говорю о новом Просвещении, я имею в виду реализацию такого диалога — а не рассуждения о нем только как об умозрительной возможности, при которых упражняют эрудицию и избегают каких-либо ответственных решений.

© 2001 Журнальный зал в РЖ, "Русский журнал" | Адрес для писем: zhz@russ.ru
По всем вопросам обращаться к [Татьяне Тихоновой](#) и [Сергею Костырко](#) | [О проекте](#)